

дельно взятым элементом этого опыта..., а вместо этого они суммируют большие части опыта и преобразуют их в другой, весьма отличный опыт, который с этого времени будет соединен... уже не со старой, а с новой парадигмой»²¹⁷. Кун подчеркивает значение видения какого-либо явления в «новом свете», переключения гештальта и тем самым приближается к современным теориям метафоры.

Таким образом, мы видим, что риторика выполняет свою, издревле поставленную перед ней задачу — убеждает, апеллируя к Разуму — и в естествознании. Более того, наука не смогла бы осуществлять смен одних парадигм другими, не прибегая к убеждению в правильности новых выводов из известных посылок определенных сообществ; и убеждение это осуществляется согласно предписаниям риторики. И чем более продуманным с точки зрения риторики и аргументации выстраивается научное объяснение и убеждение, тем эффективнее (уже с чисто научной точки зрения) «работает» затем новая научная парадигма.

В заключении отметим, что сегодня многие исследователи говорят о внутренней потребности современной науки в «новой» риторике, о необходимости именно **риторического** осмысления некоторых концептов и взглядов из области эпистемологии, теории познания, философии науки. По мнению ученых и философов постмодернистских направлений, «новая риторика» науки позволит рассказывать новые истории о познании и о мироздании. И построить множество «риторик будущего» должны мы сами.

Итак, мы убедились, насколько риторична, пронизана пафосом образности и убеждения (которое вызывает к чувствам и эмоциям человека, в полном соответствии с античной «убеждающей» концепцией риторики) современная естественнонаучная картина мира. Понятийный аппарат современных наук насыщен тропами (мы показали это на примере функционирования метафор в науке). И, возможно, это свойство проистекает из некоего изначального тяготения языкового мышления человека к образованию тропов, к метафоричности. Риторика «пронизывает» естественные науки почти во всех планах их функционирования — от интенции воспринимающего и образования базовых понятий до риторического переосмысления того, что есть истина в современной науке. Базовые понятия естествознания всецело символичны, и их введение и использование в процессе познания природы отвечает глубочайшим эмоциональным (и экзистенциальным) человеческим потребностям. Они задают рациональному мышлению наиболее общий способ осуществления объяснения, понимания и постижения мира, в который человек изначально «заброшен». Неудивительно, что в современной ситуации все более популярных междисциплинарных исследований и поиска путей сближения естественных и гуманитарных знаний наука нуждается в новой риторике.

А.Б.Половников

ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОСТЬ ТЕХНИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ: ХРИСТИАНСКИЙ ПОДХОД

«И взял Господь Бог человека, (которого создал) и поселил его в саду Едемском, чтобы возделывать его и хранить его». [Быт. 2, 15]. Тем са-

²¹⁷ Кун Т. Структура научных революций. М., 1977. С. 165.

мым, человек был создан для того, чтобы трудиться, возделывать, культивировать землю. Для этого он и был наделен определенными практическими навыками, техническими приемами, умением, мастерством (греки такую способность называли «технэ»). Но о всеобщности (интерсубъективности) знаний и умений Адама говорить еще не приходится, так как он пребывает в единственном числе. «И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привел ее к человеку». [Быт. 2, 22]. А вот и Другой — и есть повод поговорить об интерсубъективности.

Считается, что термин «интерсубъективность» был введен в обращение в начале XX века. Э. Гуссерль, например, понимал интерсубъективность как «взаимную связь познающих субъектов»²¹⁸. Полуторами столетиями ранее И. Кант подобное явление называл «всеобщностью», «общеобязательностью» или «объективностью». Мне представляется, что между гуссерлевской «интерсубъективностью» и кантовской «объективностью» можно поставить знак тождества. Неотъемлемым атрибутом интерсубъективности (всеобщности) является общение, коммуникация: «интерсубъективность — структура субъекта, отвечающая факту индивидуальной множественности субъектов и выступающая основой их общности и коммуникации»²¹⁹.

Создавая первого человека, Бог предопределил появление человечества, ибо человек немислим вне социальности, вне общения с себе подобными. «И сказал Господь Бог: не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему» [Быт. 2, 18]. Действительно, если Адам создан для «возделывания сада Едемского», то Ева была дана ему в качестве «помощника», единомышленника, жены, друга. В то же время, слово «друг» имеет двоякий смысл: с одной стороны, друг — это близкий человек, которому доверяешь, которого понимаешь, которого любишь; с другой стороны, друг — значит друг-ой, не такой как ты. Следовательно, существует нечто, что людей объединяет как некую общность, как род человеческий; в то же время, каждый отдельно взятый человек — индивидуальность, личность, по отношению к которому все остальные индивиды — другие.

Согласно Библии, все человечество происходит от одной пары прародителей. Через Адама и Еву люди обрели знания и навыки, необходимые не только для их выживания как биологических существ, но и для построения культуры. Исходя из библейской традиции, люди не шли к «технэ» долгим эволюционным путем, а были наделены этим даром изначально, свыше. Мало того, и другим тварям были дарованы те навыки, которыми они владеют по сию пору. В самом деле, трудно представить птиц, не умеющих вить гнезда, муравьев — строить муравейники, бобров — возводить плотины, кротов — рыть норы и т.п. Но человеку, кроме того, была ниспослана способность мыслить и творить, в результате чего мы имеем теперь технически развитую цивилизацию.

Техника — один из самых универсальных феноменов культуры. На человеческом умении, искусности, делании как на фундаменте возведен храм культуры. Но что из них первично? «Технэ» ли является причиной культуры, или же культура породила технику? Вечный вопрос

²¹⁸ Современная буржуазная философия: Учебник / Под ред. А.С. Богомолова. МГУ, 1972. С. 463.

²¹⁹ Калининченко В.В. Современная западная философия: Словарь. М., 1989. С. 115.

«курицы и яйца!» Подобный вопрос может озадачить ученого мужа, но не христианина, читающего Библию, ибо сказано: «И сотворил Бог рыб больших и всякую душу животных пресмыкающихся, которых произвела вода, по роду их, и всякую птицу пернатую по роду ее... И благословил их Бог, говоря: плодитесь и размножайтесь...» [Быт. 1, 21—22]. Все совершенно ясно и недвусмысленно: сначала были созданы взрослые особи (курицы), а затем они стали «плодиться и размножаться» (яйца). Впрочем, прародители человечества тоже не имели «счастливого детства», так как появились на свет сразу же взрослыми и после грехопадения стали «плодиться и размножаться». То же самое во взаимоотношении техники и культуры: не в результате окультуривания обезьяны стала развиваться техника, но в результате умелых, искусных действий человека народилась культура.

Совершенно очевидно, что люди созданы для общения и для совместной деятельности. «На всей земле был один язык и одно наречие... И сказали они (люди): построим себе город и башню, высотой до небес, и сделаем себе имя, прежде нежели расеемся по лицу всей земли. И сошел Господь посмотреть город и башню, которые строили сыны человеческие. И сказал Господь: вот, один народ, и один у всех язык... сойдем же и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого. И рассеял их Господь оттуда по всей земле; и они перестали строить город (и башню)». [Быт. 11, 1—8].

В наказание за богоотступничество и гордыню люди были разобщены. Вместо единого языка и единого компактного места проживания люди были разделены на различные племена, народы, расы, расселенные по всей земле (семиты в Азии, иафетиты в Европе, хамиты в Африке и Азии). Но все же наказание Господне не было настолько суровым: ведь люди не были лишены разума, творческой способности, практических навыков, знаний. Возможно, на этом этапе развития человечества и происходит разделение всеобщности и индивидуальности. Люди, разделенные на различные нации, все больше и больше теряли связь с Богом, а восстановление этой связи, религия, было делом сугубо индивидуальным, интимным. Таким образом, религия, мистика, духовная жизнь становятся деятельностью субъективной, личностной. В то время как практические навыки, культурный опыт, эмпирические, а в последствии и теоретические знания (наука) становятся достижением всего человечества, тем, что «отвечает факту индивидуальной множественности субъектов и выступает основой их общности и коммуникации»²²⁰.

Техника, техническое знание, как уже отмечалось, изначально при- сущи человеку, поэтому техническое знание — как знание эмпирическое, практическое, житейское — это древнейший вид знания. Мастер-умелец подобно Создателю, всегда действует осмысленно, с умом (отсюда: ум-ение, ум-еть, ум-есть). Прежде, чем что-то изготовить, обработать, создать, у него в голове должен созреть некий план, проект; следовательно, знание у человека — техника — предшествует деланию («В начале было слово...»).

Итак, читая Библию, становится очевидным, что «технэ», техническое знание являются неотъемлемым, родовым свойством человека —

²²⁰ Современная западная философия: Словарь. М., 1989. С. 115.

и поэтому оно интерсубъективно. Техника — универсальный инструмент возделывания (*cultura*) культуры — и поэтому она интерсубъективна. Духовный, религиозный опыт индивидуален, субъективен, в то время как практические, технические знания общезначимы — и поэтому интерсубъективны.

Что же касается интерсубъективности вообще (как феномена), то она присуща многим видам человеческой деятельности. Создав Еву, Бог наделил людей счастьем общения и взаимопонимания, единством знаний и общность интересов, возможностью быть с Другим и быть Другим.

Ю.А. Степанчук

ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ ФИЛОСОФСКОГО ДИСКУРСА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Говорить о русской философии можно много и долго — и действительно, много и долго говорится, со знанием дела, с живым интересом к неожиданно раскрывшемуся многообразию имен, мыслей и идей. Иногда даже со слишком живым интересом, за которым стоит желание — принять или оттолкнуть, оправдать или унизить — философскую традицию, русскую культуру, Россию вообще, особенно ту метафизическую сущность России, в наличии которой мы, кажется, все еще убеждены. Иногда разговор о русской философии оборачивается безудержным восхвалением, иногда — трезвым анализом, иногда — резкой критикой. Иногда, впрочем, — подспудно или прямо — про-скальзывает и сомнение или отрицание наличия философии в России. Это отрицание не ново. В начале XIX в. констатировали факт, что философии в России нет, в конце XIX в. спорили о том, возможна ли она в России вообще (при этом обе стороны часто пытались, в сущности, сделать России комплимент). Почему же сейчас, когда мы с большим основанием можем говорить о существовании в России философской традиции, этот вопрос возникает снова?

Как возможна русская философия? Возникшая, когда Европа уже имела дело с развитой философской традицией, появившаяся из желания понять Россию, узнать истину, изменить мир и непременно обрести собственную философию, прерванная, когда она только обретала свое естественное движение, — русская философия проблематична уже на уровне словосочетания. Если же учесть, что определения самой философии носят достаточно расплывчатый и нечеткий характер, то проблематичность еще усиливается. Очевидно, что наиболее строгого определения философии — как явления, свойственного западноевропейской культуре — русская философия не выдерживает. Неуклонное же расширение дисциплинарных границ грозит поставить под вопрос саму философию. Ясно, что в России не было самостоятельной философии европейского типа. Но мы имеем дело не просто с определенной традицией или стилем мышления, а с традицией, которая сознательно определяет себя как философию, созданную по аналогии с европейской философией, но имеющую национальное своеобразие.

И все же именно своеобразие этой традиции от нас ускользает. В действительности мы сталкиваемся с иллюзией — иллюзией языкового